

УДК 704+930.85

DOI 10.24411/1026-8804-2019-10059

К вопросу об этнокультурных связях и семантике орнамента уйльта (ороков)

Часть 2. Зооморфные и антропоморфные МОТИВЫ¹

Татьяна Юрьевна Сем,

кандидат исторических наук, ведущий науч-
ный сотрудник отдела этнографии народов
Сибири и Дальнего Востока Российского
этнографического музея, Санкт-Петербург.
E-mail: semturem@mail.ru

Статья посвящена изучению символики и семантики зооморфных и антропоморфных мотивов орнамента уйльта (ороков) в контексте культуры и с позиции этнокультурных связей. Автор исходит из того, что исследование семантики орнамента позволяет раскрыть архаичные универсалии человеческой культуры, закодированные в образах «чувственных обобщений». При этом изучение этнокультурных параллелей, нашедших отражение в орнаменте, позволяет решить актуальную историко-этнографическую задачу, заключающуюся в характеристике процессов культурогенеза и этнической истории. Основными источниками послужили музейные коллекции Российского этнографического музея (РЭМ) и дальневосточных краеведческих музеев. Созданная типология криволинейного орнамента ороков показала, что он включает зооморфные мотивы, состоящие из изображений птиц (уток, филина, орла), хищных зверей (медведя, тигра, волка), парнокопытных (оленья, кабана), мелких пушных животных (зайца), пресмыкающихся (змея, дракона). Широко распространены в орнаментальных композициях и их элементах у ороков также антропоморфные образы, символизирующие богов плодородия; кроме того, имеются изображения розеток как символов хороводов, имитирующих солярные танцы у огня. Человек-олень, изображённый в орнаменте и скульптуре, входит в шаманский пантеон как символ посредника между космосом и людьми. Анализ семантики зооморфных и антропоморфных орнаментов ороков показал, что они связаны с мифологией первотворения, моделями Вселенной, пантеоном, шаманством, культами плодородия, медведя, солнца и огня. Этнокультурный аспект изучения рассматриваемых мотивов орокского орнамента характеризует древний пласт сибирско-древнекитайско-индейских параллелей, неолитический амурский пласт, связанный с северным — сибирским — и южным — восточноазиатским

¹ Часть I «Основные мотивы криволинейного и геометрического узора» статьи «К вопросу об этнокультурных связях и семантике орнамента уйльта (ороков)» опубликована в № 4 журнала «Россия и АТР» за 2018 г.

и юго-восточноазиатским — влиянием. Вычленяются праалтайские верования эпохи бронзы, древний китайский элемент, центрально-азиатско-скифские образы, средневековые чжурчжэньские сюжеты. Таким образом, анализ орнамента ороков с позиции его семантики, соотношения с верованиями и ритуалами, а также выявление этнокультурных связей позволяют на новом уровне исследовать изобразительное искусство как историко-этнографический источник.

Ключевые слова: орнамент, зооморфные и антропоморфные мотивы, семантика, верования и ритуалы, этнокультурные параллели и связи, культурогенез, уйльта (ороки).

On the Question of Ethno-Cultural Relations and Semantics of the Uilta's (Oroks') Ornament. Part II. Zoomorphic and Anthropomorphic Motifs.

Tat'yana Sem, Russian Museum of Ethnography, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: semturem@mail.ru.

The paper is devoted to the study of symbols and semantics of zoomorphic and anthropomorphic motifs of the Uilta's (Oroks') ornament in the context of culture and from the position of ethno-cultural relations. The author proceeds from the fact that the study of ornament semantics allows revealing archaic universals of human culture encoded in the images of "sensual generalizations". Moreover, the study of ethno-cultural parallels in the ornament characterizes the processes of culture genesis and ethnic history which is an important historical and ethnographic research task at the present stage. The main sources are from the museum collections of the Russian Ethnographic Museum (REM) and the Far Eastern museums. The typology of the curvilinear ornament of the Oroks shows that it includes zoomorphic motifs consisting of images of birds (duck, eagle owl, eagle), images of predatory animals (bear, tiger, wolf), cloven-hoofed animals (deer, wild boar), small fur animals (hare), reptiles (snake, dragon). Another widespread motif in ornamental compositions and their elements are anthropomorphic images symbolizing the gods of fertility; furthermore, there are images of rosettes as symbols of round dances imitating solar dances by the fire. The image of a deer-man depicted in the ornament and sculpture as a symbol of a mediator between the cosmos and people is included in the shaman Pantheon. The analysis of semantics of zoomorphic and anthropomorphic ornaments shows that they are connected with the mythology of the first creation, models of the Universe, the Pantheon, shamanism, the cults of fertility, the bear, the Sun and the fire. The ethnocultural aspect of the analysis of these motifs of the Oroks' ornament characterizes the ancient layer of Siberian-ancient Chinese-Indian parallels, the Neolithic Amur layer associated with the Northern — Siberian and Southern — East Asian and South-East Asian influence. The pre-Altai beliefs of the Bronze Age, the ancient Chinese element, the Central Asian-Scythian images and the medieval Jurchen stories are distinguished. Thus, the analysis of the Oroks' ornament from the standpoint of its semantics, connections with beliefs and rituals as well as the identification of ethnic and cultural relations allow exploring the fine arts as a historical and ethnographic source at a new level.

Keywords: ornament, zoomorphic and anthropomorphic motifs, semantics, beliefs and rituals, ethnocultural parallels and connections, culture genesis, Uilta (Oroks).

ВВЕДЕНИЕ. СЕМАНТИКА ОРНАМЕНТА: ОБЩИЙ АНАЛИЗ

Изучение символики и семантики орнамента рассматривается как одна из значимых и актуальных задач этнографии, искусствоведения и культурологии на современном этапе. Орнаментальное искусство является древнейшим видом человеческой деятельности и творчества, «символическим контекстом культуры». Рассматривая структуру и смысл орнаментального образа, исследователи замечают, что он связан с «универсальным изобразительным языком, абстрагированными формами обобщения, выражающими всеобщие категории и вместе с тем живое чувственное содержание» [30, с. 270]. Об этом свидетельствуют основные типы криволинейного и геометрического орнамента ороков, сохранившие наиболее архаичные элементы, что особенно ярко обнаруживается в зооморфных и антропоморфных мотивах. Они связаны с символикой культуры, отражающей хозяйственную деятельность этноса через призму местной флоры и фауны. Исследование семантики орнамента позволяет раскрыть глубинные универсалии человеческой психики, закодированные в образах архаичных орнаментальных мотивов и связанные с традиционными верованиями, мифологией и ритуальной практикой.

Вместе с тем орнамент является важным историко-этнографическим источником для изучения проблем этногенеза того или иного народа [12, с. 6, 21, 30—31, 40, 42]. Основываясь на достижениях научной методологии и результатах её апробации на примере основных криволинейных и геометрических мотивов орнамента ороков, рассмотрим типологию и семантику зооморфных и антропоморфных мотивов орнамента данного народа в связи с его верованиями и ритуалами, а также, выясняя их этнокультурные связи, проследим этапы культурогенеза этноса.

ЗООМОРФНЫЙ И АНТРОПОМОРФНЫЙ ОРНАМЕНТ ОРОКОВ: ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКИ

Зооморфные и антропоморфные орнаменты ороков были выделены отечественными исследователями наряду с другими видами криволинейных и геометрических мотивов (С.В. Иванов, Н.В. Кочешков, Л.И. Миссонова, Т.Ю. Сем). Рассматривая орнаментальные особенности материальной культуры народов Амура, С.В. Иванов отмечает, что «группа зооморфных мотивов богаче всего представлена в орнаменте нанайцев, за ними следуют ульчи и нивхи. Значительно беднее она у негидальцев, ещё беднее у орочей и почти полностью отсутствует у манегров, ороков и удэгейцев» [12, с. 381]. Антропоморфные мотивы в орнаментальном искусстве народов Амура, и в частности ороков, С.В. Иванов не выделяет. Между тем в коллекциях центральных и дальневосточных музеев имеется большое количество артефактов, не введенных в научный оборот. Н.В. Кочешков пошёл дальше в анализе орокского орнамента. Он писал: «В традиционной орнаментике (ороков. — Т.С.) преобладали геометрические мотивы с элементами

зооморфного, антропоморфного, растительного орнамента» [14, с. 136]. В данной цитате обнаруживается неточность, вероятно, это описка в тексте книги: имеется в виду криволинейный тип орнамента. Нами в коллективной монографии «Материалы по традиционной культуре, фольклору и языку ороков» приводилось описание некоторых зооморфных (олень, орёл) и антропоморфных орнаментов, связанных с культами солнца и плодородия, солнечными танцами; основой для данного исследования послужили материалы коллекции Ю.А. Сема и Л.И. Сем 1963 г., а также публикации Дзиро Икегами [36, с. 55—61]. В 2011 г. Л.И. Миссонова рассмотрела очень интересный круговой орнамент ороков, имеющий, по мнению автора, связь с культом огня [21, с. 33—44]. Кроме того, в нашей монографии 2015 г. «Картина мира тунгусов: пантеон» обращается внимание на подобный круговой и рядовой орнамент в виде пляшущих человечков, который связывается с петроглифами Забайкалья эпохи бронзы, а также с культом плодородия и солнца [34, с. 219].

Источниковая база данного исследования основывается на коллекциях центральных (РЭМ) и дальневосточных (СОКМ, НКМ, ОКМ, СОХМ) музеев России, материалы которых были опубликованы в альбомах и каталогах [16; 31], но до настоящего времени не использовались в научных работах.

В настоящей статье поставлена цель подробно проанализировать отдельные элементы и композиции зооморфного и антропоморфного орнамента ороков на предметах одежды, утвари, оленьей упряжи и снаряжения с иконографической и семантической позиции и на их основе провести реконструкцию этнокультурных связей.

ТИПОЛОГИЯ И СЕМАНТИКА, ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ЗООМОРФНОМ И АНТРОПОМОРФНОМ ОРНАМЕНТЕ

Один из мотивов орокского зооморфного орнамента — **птицы (две утки, филин или орёл)**. На заготовках орнамента из берёсты и бумаги, в резьбе на деревянном корытце, на луках оленьего седла и костяных пластинах от оленьей упряжи изображены профильные фигуры **пары уток** в виде завитков; данные птицы упоминаются в мифе о творении мира в качестве творцов земли (рис. 1). В некоторых случаях они располагаются на орокских орнаментах рядом с богиней-прародительницей — хозяйкой дерева душ, — а также с парой змей, являющихся символами неба и земли [РЭМ. Кол. 8761-1825, 111443, 2079-84, 2078-33]. Данный тип орнамента, изображающий двух птиц — «уток творения», — восходит к петроглифам Сикачи-Аляна Нижнего Амура эпохи неолита [28, с. 241]. Образы пары уток (гагары и гоголя), символизирующих творцов мира, характерны для мифологии эвенков [6, с. 214] и некоторых уральских народов, восходящих, по мнению В.В. Напольских, к эпохе палеолита Прибайкалья; кроме того, они имеют аналоги и в мифологии народов Северной Америки [24, с. 101—112, 126—130].

На традиционной одежде ороков неоднократно запечатлён образ **филина** в виде кругов и овалов. Он вышит на полосе старинного левополого

Рис. 1. Оленье седло с деревянной лукой, орнаментированное черчением, изображающим двух птиц, трёх змей и богиню плодородия. Конец XIX — начало XX в., о. Сахалин. Ороки [РЭМ. Кол. 8761-11443]

Рис. 2. Изображение филина на женской капорообразной шапке из меха оленя. Конец XIX — начало XX в., о. Сахалин. Ороки [РЭМ. Кол. 8762-18201]

халата из ровдуги оленя [РЭМ. Кол. 6808-15], а также на женском головном уборе [РЭМ. Кол. 6781-18201] (рис. 2). Параллели можно обнаружить в Амурско-Сахалинском регионе. У орочей и удэгейцев филин и сова считались охранителями детей и изображались в виде деревянных амулетов [РЭМ. Кол. 8761-9753 а, б]. В мифологии айнов помощник первопредка, воспринимавшийся как покровитель деревни [35, с. 206], и его сестра имели образы филина и совы. Именно для айнов этот тип представлений являлся наиболее популярным. Орокские изображения филина, по-видимому, также связаны с образом духа-покровителя и были заимствованы у айнов Сахалина, как и изображения орочей и удэгейцев. В шаманизме удэгейцев и эвенков образ филина в качестве духа-покровителя [РЭМ. Кол. 1879-46; 1985-36 а] присутствует как архаичный реликт, относящийся к периоду тунгусо-айнского взаимодействия во время пребывания тунгусов на Амуре или в Приморье, т.е. в период илоу.

Большое значение в изобразительной пластике ороков имел **орёл** с распростёртыми крыльями и повёрнутой головой, представленной двумя завитками. Он изображался на головных уборах, охотничьих кофтах и меховых женских сумках, кожаной мужской сумочке к поясу (рис. 3) [РЭМ. Кол. 8761-18195; 2011-179,68; 2011-70; МАЭ. Кол. 1318-7; СГОКМ.

Рис. 3. Изображение орла на капорообразной женской шапке из меха оленя. Начало XX в., о. Сахалин. Ороки [РЭМ. Кол. 2011-68]

Кол. 1661-3]. Подобный тип орнамента в технике меховой мозаики зафиксирован на одежде эвенков Оленека и ульчей, а также на вышивке левополого халата нанайцев [15, с. 213, 187]. Он имеет прямые аналогии в наскальных изображениях Забайкалья (Селемжинская писаница эпохи бронзы [27, с. 68—73, 80]), наследниками которых являлись буряты и эвенки, от последних этот древний тип и мог попасть к орокам.

Культ хищной птицы сохранился в шаманизме ороочонов Забайкалья [РЭМ. Кол. 1923-58, 68/1-6]. Он также был распространён у многих тюрко-монгольских скотоводов Центральной Азии, возможно, шире — у праалтайского населения [11, с. 270—271, 273]. Об этом свидетельствует название государства древних сушеней (предков тунгусо-маньчжуров) — «страна кречетов» [17, с. 10]. Ритуальные охоты с хищными птицами получили распространение в культуре средневековых монголов, в более позднее время отмечались у монголов, маньчжуров и бурят [11, с. 270—273].

У ороков на шаманском бубне [РЭМ. Кол. 2079-2а] имелась аппликация с изображением двухголового орла с распростёртыми крыльями, символизирующего хозяина грома — главного покровителя шамана. В шаманизме амурских эвенков бытовало изображение грома в виде фигуры с головой медведя, туловищем человека и крыльями птицы [18, с. 14—15]. Отметим, что образ птицы-грома также был характерен для представлений и ритуалов населения северо-тихоокеанского побережья: американских индейцев хайда, квакиутлей и алеутов, у которых имелись его близкие изображения. Но здесь этот образ был связан с более ранними представлениями, в частности с культом моря («громовая птица» считалась хозяйкой животных на суше и море [11, с. 486—488]); данный факт указывает на тихоокеанский субстрат на Амуре, в том числе и у нивхов. Подтверждением этого являются исследования известных американологов в области петроглифов и мифологии [8, с. 344, 450; 29, с. 172—174].

У ороков на шаманском бубне [РЭМ. Кол. 2079-2а] имелась аппликация с изображением двухголового орла с распростёртыми крыльями, символизирующего хозяина грома — главного покровителя шамана. В шаманизме амурских эвенков бытовало изображение грома в виде фигуры с головой медведя, туловищем человека и крыльями птицы [18, с. 14—15]. Отметим, что образ птицы-грома также был характерен для представлений и ритуалов населения северо-тихоокеанского побережья: американских индейцев хайда, квакиутлей и алеутов, у которых имелись его близкие изображения. Но здесь этот образ был связан с более ранними представлениями, в частности с культом моря («громовая птица» считалась хозяйкой животных на суше и море [11, с. 486—488]); данный факт указывает на тихоокеанский субстрат на Амуре, в том числе и у нивхов. Подтверждением этого являются исследования известных американологов в области петроглифов и мифологии [8, с. 344, 450; 29, с. 172—174].

Хищные звери в орнаменте ороков представлены изображениями **медведя, тигра, волка**. Медведя можно увидеть на орокской левополой одежде из ровдуги (рис. 4) [РЭМ. Кол. 6808-15], а также на женских сумочках, изготовленных из шкуры нерпы в технике меховой мозаики.

Рис. 4. Орнамент с изображением головы медведя на левой поле женского халата из ровдуги оленя. Вышивка. Середина XX в., о. Сахалин. Ороки [РЭМ. Кол. 6808-15]

Изображается либо распростёртое животное, либо его шкура или голова в криволинейно-спиральном исполнении [РЭМ. Кол. 2011-176; 8761-18260]. На крышках женских берестяных коробок ороков из коллекции Ю.А. и Л.И. Сем середины XX в. встречаются орнаментальные композиции типа розеток с изображением голов медведей по бокам (образ медведя-предка), двух бабочек и зародышей, связанных с культом плодородия и символизирующих жизнь, либо фигуры черепахи и двух змей, как оппозиции неба и земли, либо розетки из четырёх

спиралей с ромбом в центре — символы солнца. Сочетание образов черепахи и змея — типично восточноазиатская традиция, характерная для когурёсцев и древних китайцев; они выступают в качестве символов мужского и женского начала, неба и земли и связаны с космогонией [10, с. 147; 43, с. 110]. Эти образы могли попасть на Амур и Сахалин в период существования государства Бохай непосредственно от когурёсцев.

Отметим, что для орочей, нивхов и айнов Сахалина (тихоокеанский пласт) были характерны деревянные фигурки, изображающие медведей в различной пластике и связанные с культом этого зверя и медвежьим праздником [РЭМ. Кол. 8761-10287; 2812-169, 158, 177; 34, с. 358]. Данная общность художественной пластики восходит к изображениям медведей в культовых местах неолита Нижнего Амура. Кроме того, медвежьи костяные ложки и фигурки медведей охотской культуры на Сахалине [19, с. 40—96; 9, с. 124—131], найденные в сочетании с женскими фигурками, свидетельствуют о связи с тотемической мифологией о браке женщины и медведя, что является основой медвежьего праздника у народов Амура.

Изображение **тигра** в технике меховой мозаики у ороков встречается на женских сумочках, сшитых из шкуры нерпы [РЭМ. Кол. 8761-18260]. Фигура животного, представленная в профиль, имеет характерную особенность — рога оленя на голове и хвост вдоль туловища (рис. 5).

Как отмечала востоковед М.И. Никитина, рогатые фигуры тигров — это элемент пазырыковского орнамента центрально-азиатских скифов, а также восточноазиатских мотивов когурёсцев и древних китайцев периода Шань-Инь [25, с. 223—240]. Интересно, что наиболее ранние изображения тигра с рогами оленя восходят к наскальным рисункам Уссури эпохи

Рис. 5. Изображение рогатого тигра на женской сумочке из меха нерпы, меховая мозаика. Конец XIX — начало XX в., о. Сахалин. Ороки [РЭМ. Кол. 8762-18260]

неолита-бронзы, где сочетались северные и южные традиции [28, с. 260, 264], и уже оттуда, вероятно, они перешли в Восточную Азию. Отметим, что и у других тунгусо-маньчжуров (нанайцев, эвенков, удэгейцев, орочей) в шаманстве был распространён образ тигра как духа-покровителя [РЭМ. Кол. 1870-47; Фотокол. 5654-213а; 18, с. 174, 181, 184—185]. Иссле-

Рис. 6. Орнамент с изображением всадника на волке (шаманский образ), аппликация по ровдуге. Начало XX в., о. Сахалин. Ороки [РЭМ. Кол. 2011-179]

дователи связывают культ тигра у народов Амура с юго-восточноазиатским влиянием [38, с. 102].

Профильные изображения всадника на волке ороки создавали как аппликацию на женских сумочках из ровдуги (рис. 6) [РЭМ. Кол. 2011-179]. Этот образ в представлениях тунгусо-маньчжуров был связан с шаманством. Ороки вырезали из дерева антропоморфную фигуру шаманского предка и под-

вешивали к нему голову хищника, в том числе волка [45, р. 87]. У нанайцев и удэгейцев с красным волком и крылатой огненной собакой соотносится образ учителя и духа-покровителя шаманов [34, с. 351—352; 45, р. 87]. Культ волка был широко распространён у тюрко-монгольского населения

Центральной Азии и имел связь с мифом о небесном первопредке людей, отождествляемым с лучом солнца. Аналогичный миф о собаке-предке был известен в Южном Китае и айнам и восходил, по мнению некоторых исследователей, к мифам народов Юго-Восточной Азии [39, с. 160—174]. Таким образом, на Амуре в Средневековье произошло слияние центрально-азиатских и восточноазиатских представлений о солнечном волке и собаке и их предковой основы в мифе.

Популярным мотивом в орнаменте и изобразительной пластике ороков являются **парнокопытные (олень, реже — лось, кабан)**. В XX в. ороки часто изображали **оленья** на квадратных ковриках из ткани, аналогичных эвенкийским [11, с. 116—119, 190—191].

Образ оленя в мифологии и изобразительной пластике и орнаменте тунгусо-маньчжуров был связан с солярной символикой и моделью Вселенной. У эвенов сохранился древний миф о происхождении мира людей и космоса из тела небесного оленя-предка [33, с. 156—159]. В эпосе нанайцев и удэгейцев, в записи Л.И. Сем и Ю.А. Сема, герой *Ерха Мерген* по рогам космического оленя поднимается на небо (рис. 7).

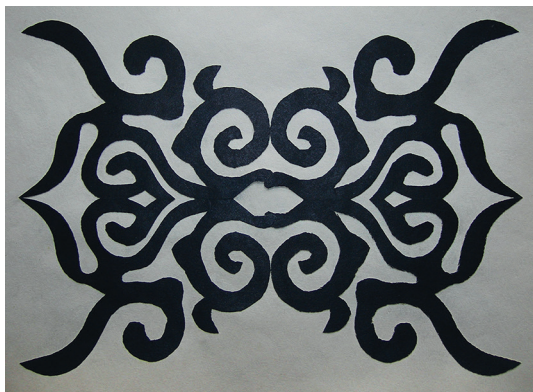

Рис. 7. Образец орнамента из бумаги с изображением рогатых оленей — символов верха и низа Вселенной, о. Сахалин. Ороки [Личн. кол. Ю.А. Сема и Л.И. Сем, 1963 г.]

Особый интерес вызывает образ оленя на костяной луке от оленьего седла ороков из коллекции 1963 г. Ю.А. Сема и Л.И. Сем [34, с. 202; 36, с. 56]. Рисунок выполнен в скифском зверином стиле: профильное изображение оленя с ветвистыми рогами вдоль тела и козлёнком на переднем плане (рис. 8).

Распространение скифского звериного стиля в Сибири относится к раннему железному веку, времени пребывания центрально-азиатских скифов на Алтае (Пазырыкский курган). Известно, что тунгусы также проживали на Алтае в эпоху хунну и оставили там тунгусскую топонимику [5, с. 58—61]. Оба образа (оленя и козла), согласно скифской мифологии, связаны с солнцем. У ороков

Рис. 8. Изображение оленя с ветвистыми рогами в скифском зверином стиле на костяной луке оленьего седла, о. Сахалин. Ороки [Личн. кол. Ю.А. Сема и Л.И. Сем, 1963 г.]

изображение оленя также ассоциировалось с ежегодным обновлением, ходом солнца — аналогичные мотивы прослеживаются в мифе о космической охоте эвенков и в новогоднем ритуале эвенов [3, с. 69—70; 1, с. 25—31, 63]. По сообщению Ю.Е. Берёзкина, в мифологии американских индейцев был известен древний сюжет о преследовании старого солнца молодым. В неолите и ранней бронзе Прибайкалья, по материалам раскопок А.П. Окладникова, у древнего населения существовал культ солнца, связанный с представлениями о ходе светила и его обновлении.

Изображение **кабана** в орнаменте ороков представляет собой голову с открытой пастью-челюстями, глотающую солнце в образе оленя. Оно вышито нитками на подоле левого края женской одежды, а также на оленьей оброти ороков (рис. 9) [РЭМ. Кол. 8762-182836; 22, с. 195].

Рис. 9. Голова-челюсти хищника (кабана). Симметричный орнамент на оленьей оброти. Кожа, ткань, вышивка. Конец XIX — начало XX в., о. Сахалин. Ороки [РЭМ. Кол. 8762-18283]

Наиболее ранние орнаменты в виде головы хищника, челюстей исследователи связывают с изображением монстра — хозяина или хозяйки земли и Вселенной — в древнем Китае эпохи бронзы и у индейцев Северной и Центральной Америки [8, с. 451—554; 29, с. 62—71, 124—147; 43, с. 131], имевшего, вероятно, палеолитическую древность. На Амуре образ хозяина земли, Вселенной и хода солнца сохранился в шаманском пантеоне нивхов [РЭМ. Кол. 5169-1,2]. У ороков в шаманстве также имеется аналогичный идол, но он называется богом солнца или богом богов *Сиивурэ* [45, р. 86]. Представление образа кабана в виде челюсти также нашло отражение в фольклоре и ритуальной шаманской пластике нанайцев. На Амур данный образ мог попасть ещё в период пребывания в Китае сушеней — предков тунгусо-маньчжуров, либо он мог появиться у мохэ-чжурчженей в период Средневековья. Существует версия Е.А. Окладниковой об обратном влиянии из Сибири на Азию окуневско-карасукских культур.

Из мелких животных в орнаменте на перчатках ороков известен образ **зайца** [45, р. 35], аналогичный негидальскому. Его популярность связана с тем, что небесный заяц являлся охранителем эликсира бессмертия и имел отношение к лучам солнца и луны, мог нести жизнь или забиравать её, был

хозяйном жизни и смерти [37, с. 13—14; 34, с. 346]. Образ небесного зайца, связанного с луной, очень древний, он использовался у индейцев Центральной Америки — ацтеков, — а также у древних китайцев эпохи Хань (в изображениях на погребальных камерах) как символ бессмертия [23, с. 447; 44, с. 129, рис. 54, 56, 57]. Среди наскальных рисунков Сикачи-Аляна эпохи неолита также имеются изображения головы зайца, в том числе рядом с лосем, и сюжеты с ними [28, с. 269]. Можно заключить, что данный образ небесного зайца восходит к неолитическому амурскому субстрату. Позднее он встречается на бронзовых зеркалах чжурчжэней [4, с. 79—83], попав к ним от средневековых китайцев.

Важное место в орнаменте ороков занимают образы **пресмыкающихся (змея, дракона)**, взаимосочетающиеся по символике как космические и соллярные. На женских сумках и оленьих луках ороков часто изображались дугообразные полосы с ромбами в центре [РЭМ. Кол. 2011-176, 181; 8761-11443], имитирующие шкуру **змеи** и выступающие в качестве символа небесного змея-радуги (рис. 10). Интересно, что в шаманском ритуальном комплексе нанайцев и негидальцев также имелись изображения двуглавого змея в виде радуги. Параллели уводят на юг и север. Подобный образ был известен в древнем Китае и у индейцев Центральной Америки. Образ «радужного змея» характерен для верований австралийцев [8, с. 503—515; 23, с. 31; 44, с. 61, 129, рис. 30]. Аналогичные круговые изображения имеются на шаманских бубнах эвенков [РЭМ. Кол. 5589-41; 11, с. 165—175], шаманском халате нанайцев [РЭМ. Кол. 11406-1] и плетёных тарелках ульчей

Рис. 10. Женская сумочка из меха нерпы с орнаментом, изображающим шкуру змеи (символ космоса) и голову дракона в центре клапана из ровдуги и двух медведей по бокам. Аппликация, меховая мозаика. Начало XX в., о. Сахалин. Ороки [РЭМ. Кол. 2011-176]

и нанайцев [15, с. 184—185]. Образ змея, свернувшегося в клубок, представлен в виде орнамента на берёсте у нанайцев и нивхов [41, с. 314, ил. 26]. Близкие изображения были известны народам Восточной Азии и Южных островов, а также предкам тунгусо-маньчжуров эпохи бронзы [2, с. 28—33; 42, с. 567—578; 28, с. 144—145].

Наряду со змеей у ороков на берестяных коробках имеются изображения голов **драконов**, несущих фигуры женщин-прародительниц, что иллюстрирует тотемистический миф о браке женщины и дракона (рис. 11)

Рис. 11. Орнамент на берестяной коробке (вид снизу вверх перевёрнут, смотрят сверху на сумку) с изображением морды дракона и двух древ жизни с богинями на их вершинах по бокам. Начало XX в., о. Сахалин. Ороки [РЭМ. Кол. 2011-116]

[РЭМ. Кол. 2011-116, 176]. Образы перевёрнуты. Личины в виде головы солнечного змее-дракона, запечатлённые на неолитических петроглифах Сикачи-Аляна Нижнего Амура, связаны с образами космических божеств и юношескими инициациями, близкими к ритуалам народов Юго-Восточной Азии [28, с. 108—109, 132; 29, с. 67—71]. На территории, где проживали предки южных тунгусо-маньчжуров, были найдены земляной курган эпохи бронзы в форме змея и нефритовые фигурки драконов и женщин-прародительниц, с которыми также связываются обряды юношеских инициаций [2, с. 28—33]. Кроме того, миф о змее-творце и образ космического змея имели широкое распространение в Евразии и Центральной и Южной Америке, что свидетельствует об их глубокой древности, восходящей к универсалиям культуры человека [23, с. 447, 468—471, 514, 520—521]. Эти образы берут своё начало в палеолите Прибайкалья стоянки Мальта.

Широко распространены в орнаменте ороков **антропоморфные изображения** в виде парных S-образных, 8-образных или сердцевидных фигур. Они встречаются на одежде, обуви, ковриках, берестяных коробках и костяных луках оленьих сёдел [РЭМ. Кол. 2011-46; 8761-11443, 18248, 18251; 2078-10; 8761-8017]. Обычно так изображались мужские и женские фигуры, символизирующие богов-прародителей [36, с. 58; 22, с. 194]. Женская богиня плодородия являлась также хозяйкой солнечного дерева и представляла

Рис. 12. Образец орнамента из берёсты, изображающего фигуру женщины-прародительницы с двумя птицами по бокам. Конец XIX — начало XX в., о. Сахалин. Ороки [РЭМ. 8762-8248]

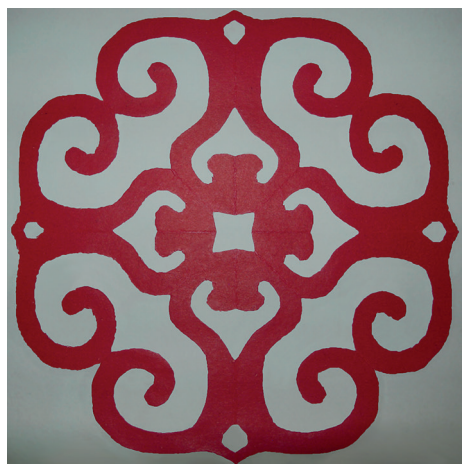

Рис. 13. Образец орнамента из бумаги, изображающего хоровод из четырёх мужских фигур вокруг огня — символ солнечных танцев, о. Сахалин. Ороки [Личн. кол. Ю.А. Сема и Л.И. Сем, 1963 г.]

в орнаментальном единстве с деревом жизни (рис. 12). Аналогичные мужские и женские фигуры известны в орнаментах нанайцев и ульчей, негидальцев, удэгейцев [15, с. 65, 67, 149, 177, 223].

На круглых ковриках и образцах орнамента ороков изображались пляшущие человечки в хороводе вокруг 8-образной фигуры — символа солнца и огня (рис. 13) [36, с. 58; 45, р. 35]. Подобные композиции встречаются у ороحوнов и эвенков Маньчжурии и Внутренней Монголии Китая на круглых берестяных коробках [46, р. 72, 95]. Эти хороводы, обращённые к небесным божествам плодородия, изображавшимся на бронзовых зеркалах [26, с. 255], восходят к солнечным танцам средневековых чжурчжэней, которые были распространены у всех тунгусо-маньчжуров в новогодних ритуалах [34, с. 206—233; 3, с. 9—12; 1, с. 31, 69]. По мнению Л.И. Миссоновой, у ороков они относились к культу огня [21, с. 33—44]. Отметим, что образы солнца и огня в верованиях тунгусо-маньчжуров были взаимосвязаны. У амурских эвенков огонь считался кончиком солнца, а богиня огня, по их убеждениям, располагалась на небе [34, с. 429]. Аналогичные представления имелись у населения эпохи Дзёмон и айнов, а также и у индоевропейских народов, в частности иранцев [23, с. 35—36, 141—142, 154—157, 528, 560—562], что может свидетельствовать о древних корнях этих верований на территории Евразии.

Наряду с образом женщины-прародительницы и изображениями хороводов в орнаментах ороков известен также образ мужского божества плодородия — *Аиц Эндури*, — восхо-

дящего к шаманскому покровителю, имеющему аналоги и у нанайцев — *Ерха Мергену* (рис. 14) [36, с. 41; 34, с. 324—362]. Ороки изображали его в орнаменте [Личн. кол. Ю.А. Сема и Л.И. Сем, 1963 г.] в виде сидящей в позе лотоса мужской фигуры мергена — предка шамана [36, с. 41]. Аналогичный орнамент встречается также у нанайцев [34, с. 346—348]. Фигурки шаманского предка в ритуальном костюме были обнаружены археологом В.Е. Медведевым у чжурчжэней [20, с. 213].

Рис. 14. Образец орнамента из бумаги, изображение мужского божества хозяина плодородия и главного шаманского духа-покровителя, о. Сахалин. Ороки [Личн. кол. Ю.А. Сема и Л.И. Сем, 1963 г.]

Мужское божество с рогами оленя на голове встречается в орнаменте ороков на вышивке [РЭМ. Кол. 2011-74]. Образ человека-оленя был известен в Евразии с древних времён, получил широкое распространение на Урале, в Пазырыке и древнем Китае в эпоху бронзы; по-видимому, он связан с представлениями о первопредке-посреднике между миром людей и миром природы, животных и духов, а также с космической символикой в тотемических и шаманских верованиях [13, с. 191; 32, с. 181].

Изображение человека с рогами на деревянном столике ороков из собрания Дзиро Икегами, по-видимому, сопоставимо с образом мифического прародителя и шаманского первопредка, небесного божества *Хадау* [45, р. 45, tabl. 76]. В мифе ороков о нём говорится, что он объезжает мировую гору на оленьей упряжке, творя мир [7, с. 21]. Эта орнаментальная композиция ещё интересна тем, что мерген здесь символизирует духа-посредника между миром людей и миром духов. Он едет на оленях с рогами в виде голов лошадей, весь комплекс олицетворял солнце. И в противоположность им в композиции столика по краям размещены фигуры драконов с головами лошадей — символы нижнего мира и хаоса, мрака. В представлениях и изображениях чжурчжэней имеется аналогичная оппозиция света и тьмы, воплощавшаяся в виде фигурок всадника на коне и лошади с головой дракона. По мнению Э.В. Шавкунова, эти образы у чжурчжэней были связаны с уйгурским манихейским влиянием [40, с. 160—167]. Сюжет средневековых верований нашёл своё отражение в орнаменте ороков как периферийного тунгусо-маньчжурского этноса, у которого сохранилась архаика.

ОБЩИЕ ВЫВОоды

В семантике зооморфных и антропоморфных мотивов криволинейного орокского орнамента нашли отражение мифология первотворения, шаманство, культы плодородия, солнца, огня, медведя, пантеон богов. Этнокультурный аспект анализа зооморфного и антропоморфного орнамента данного народа включает изучение различных этнокультурных

пространственно-временных влияний, связанных с верованиями и ритуалами. К наиболее архаичным образам орнамента относятся сибирско-древнекитайские и американские параллели, восходящие, по-видимому, к палеолитической древности и связанные с мифами первотворения: космический солярный змей — творец мира и его воплощение; птица-ныряльщик за землёй в водах первичного океана; небесный заяц — хозяин лучей солнца и луны и бессмертия, жизни и смерти, а также хтонический образ, предстающий в виде головы монстра или челюстей, хозяина земли и Вселенной, хода солнца (времени). К древним неолитическим сибирским и амурским образам в орнаменте относится представление об олене-вселенной и сибирско-азиатский шаманский образ человека-оленя, посредника между мирами и воплощения космоса. О юго-восточноазиатском влиянии на Амур свидетельствуют образы медведя, тигра и собаки, связанные с тотемическими мифами о предках людей. В этих образах на Амуре отмечены пересечения северных сибирских и южных влияний. Представления о медведе восходят к северному культу его убийства на охоте и ритуалам захоронения, а также к южным обычаям выращивания зверя в неволе для медвежьего праздника. Образ тигра на Амуре связан с южным влиянием из Юго-Восточной Азии, а наличие рогов оленя на его голове свидетельствует о северных истоках образа, в неолите перемешавшихся на Амуре. Образ собаки-предка южных районов Восточной Азии пересекается на Амуре с центрально-азиатскими представлениями о солярном волке-предке и шаманском учителе. С праалтайскими верованиями связаны образы хищных птиц (орла, сокола, кречета), нашедшие отражение в ритуальной охоте, шаманских представлениях и атрибутике; они восходят к Забайкальским петроглифам эпохи бронзы, попав к орокам через эвенков — носителей древней традиции. С праалтайскими представлениями связаны также орнаменты, изображающие женщину-прародительницу, богиню плодородия, хозяйку древа жизни, и духа-покровителя — шаманского мужского божества плодородия. К скифской эпохе в орнаменте ороков восходит образ солярного оленя с ветвистыми рогами — символ модели Вселенной, сохранившейся в мифах о творении мира у эвенов и в шаманском эпосе народов Амура. К чжурчжэньской средневековой эпохе относятся орнаменты, изображающие солнечные круговые танцы, аналогичные древнекитайским ритуалам и обрядам нового года северных тунгусов (эвенков и эвенов). С уйгурским средневековым влиянием на чжурчжэней, а от них и на ороков, в орнаменте и культовой практике связана оппозиция света и тьмы, передаваемая посредством животных образов (лошади и дракона). Образ всадника на драконе как воплощение хозяина подземелья встречался также в древнем Китае эпохи Хань. К древнекитайским ритуалам относятся и солнечные танцы, аналогичные тунгусским, возможно имевшие общие истоки, либо являющиеся культурными универсалиями.

Таким образом, проанализированная семантика орокского криволинейного орнамента с зооморфными и антропоморфными мотивами позволяет сделать выводы об их связях с мифами и ритуалами, пантеоном и культурогенезом этноса.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Алексеев А.А. Забытый мир предков (Очерки традиционного мировоззрения эвенков Северо-Западного Верхоянья). Якутск: Ситим, 1993. 94 с.
2. Алкин С.В. Палеометалл Дальнего Востока // Известия СО АН СССР. Серия: История, филология и философия. 1987. № 10. С. 28—33.
3. Анисимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.; Л.: АН СССР, 1958. 235 с.
4. Бродянский Д.Л. Бронзовое зеркало с мифологическим сюжетом из Красноярского городища // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века: сб. науч. тр. Владивосток: АН СССР, 1988. С. 79—83.
5. Василевич Г.М. К проблеме этногенеза тунгусо-маньчжуров (по материалам изучения колыбелей) // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. 1957. Т. XXVIII. С. 58—61.
6. Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
7. Васильев Б.А. Основные черты этнографии ороков // Этнография. 1929. № 1. С. 3—22.
8. Васильев С.А., Берёзкин Ю.Е., Козинцев А.Г., Пейрос И.И., Слободин С.Б., Табаров А.В. Заселение человеком Нового Света. Опыт комплексного исследования. СПб.: Нестор-История, 2015. 650 с.
9. Васильевский Р.С. По следам древних культур Хоккайдо. Новосибирск: Наука, 1981. 174 с.
10. Джарылгасинова Р.Ш. Древние когурёсцы (К этнической истории корейцев). М.: Наука, 1972. 202 с.
11. Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири. XIX—XX в. М.; Л.: АН СССР, 1954. 838 с.
12. Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX — начала XX в.). Народы Севера и Дальнего Востока. М.; Л.: АН СССР, 1963. 500 с.
13. Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984. 245 с.
14. Кочешков Н.В. Декоративное искусство народов Нижнего Амура и Сахалина. Проблемы этнических традиций. СПб.: Наука, 1995. 152 с.
15. Краски земли Дерсу. Фоторассказ об искусстве малых народов Приамурья / под ред. Ч.М. Таксами. Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1982. 275 с.
16. Культурное наследие народов Дальнего Востока России. Сахалинская область. Уйльта. Эвенки / под ред. Т.П. Роон. Южно-Сахалинск: СОКМ, 2009. 194 с.
17. Ларичев В.Е. Народы Дальнего Востока в древности и средневековье и их роль в культурной и политической истории Восточной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1980. С. 8—53.
18. Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX — нач. XX в.). Новосибирск: Наука, 1984. 201 с.
19. Медведев В.Е. Неолитические культовые центры в долине Амура // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 4 (24). С. 40—96.
20. Медведев В.Е. О некоторых находках чжурчжэньской культуры на Нижнем Амуре // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 207—215.
21. Миссонова Л.И. «Танец огня» как один из главных обрядов жизненного цикла в тунгусо-маньчжурской практике // Музей. Традиции. Этничность. 2014. № 2. С. 33—44.
22. Миссонова Л.И. Уйльта Сахалина. Большие проблемы малочисленного народа. М.: Наука, 2006. 293 с.
23. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1991. Т. 1. 671 с.; 1992. Т. 2. 719 с.

24. Напольских В.В. Древние этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф). М., 1991. 189 с.
25. Никитина М.И. Миф о Женщине-Солнце и её родителях и его спутники в ритуальной традиции Древней Кореи и соседних стран. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. 560 с.
26. Окладников А.П. Далёкое прошлое Приморья (Очерки по древней и средневековой истории Приморского края). Владивосток: Прим. кн. изд-во, 1959. 292 с.
27. Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья: в 2 т. Л.: Наука, 1968. Т. 1. 218 с.; 1970. Т. 2. 263 с.
28. Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1971. 335 с.
29. Окладникова Е.А. Модель Вселенной в системе образов наскального искусства Тихоокеанского побережья Северной Америки. Проблемы этнокультурных контактов аборигенов Сибири и коренного населения Северной Америки. СПб.: МАЭ РАН, 1995. 320 с.
30. Орнамента в артефактах традиционной культуры. Материалы Пятнадцатых международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2016. 411 с.
31. Осипова В. Силуэты на рыбьей коже: материалы персональной выставки уильтинской мастерицы Вероники Осиповой (п. Ноглики). Южно-Сахалинск, 2016. 48 с.
32. Райс Т.Т. Скифы. Строители степных пирамид. М.: Центрполиграф, 2003. 223 с.
33. Роббек В.А., Дуткин Х.И. Миф о происхождении Земли и человека в эвенском фольклоре // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока. Якутск, 1978. С. 156—159.
34. Сем Т.Ю. Картина мира тунгусов: пантеон (Семантика образов и этнокультурные связи). Историко-этнографические очерки. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015. 640 с.
35. Сем Т.Ю. Образ первопредка шамана в ритуальных предметах и фольклоре айнов // Культурное наследие народов Сибири и Севера. V Сибирские чтения. СПб.: МАЭ РАН, 2004. С. 201—208.
36. Сем Ю.А., Сем Л.И., Сем Т.Ю. Материалы по традиционной культуре, фольклору и языку ороков. Диалектологический орокско-русский словарь // Тр. Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2011. Т. 14. 156 с.
37. Смоляк А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (Народы Нижнего Амура). М.: Наука, 1991. 280 с.
38. Старцев А.Ф. Этнические представления тунгусо-маньчжуров о природе и обществе. Владивосток: Дальнаука, 2017. 231 с.
39. Чеснов Я.В. Историческая этнография стран Индокитая. М.: Наука, 1976. 298 с.
40. Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII—XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1990. 282 с.
41. Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. Т. 2. Этнографическая часть. Главные условия и явления внешнего быта. СПб.: Имп. Акад. наук, 1899. 314 с.
42. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933. 740 с.
43. Юань Кэ. Мифы Древнего Китая. М.: Наука, 1965. 496 с.
44. Яншина Э.М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М.: Наука, 1984. 248 с.
45. Ikegami Jiro. Album of the Uiltas (Oroks) of Sakhalin. Hokkaido, Abashiri, 1982. 116 p.
46. Outline of Collection of Cultural Relics of the Ewenki, Oroqen and Hezhen Peoples in China. Peking, 2014. 220 p.
47. Кол. МАЭ (Кол. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого).
48. Кол. РЭМ (Кол. Рос. этнографического музея).
49. Кол. СГОКМ (Кол. Сах. гос. обл. краеведческого музея).
50. Личн. кол. Ю.А. Сема и Л.И. Сем.

REFERENCES

1. Alekseev A.A. *Zabytyy mir predkov (Ocherki traditsionnogo mirovozzreniya evenov Severo-Zapadnogo Verkhoyan'ya)* [The Lost World of the Ancestors (Essays on the Traditional Worldview of the Evens of the North-West Verkhoyanye)]. Yakutsk, Sitim Publ., 1993, 94 p. (In Russ.)
2. Alkin S.V. Paleometall Dal'nego Vostoka [The Paleometal of the Far East]. *Izvestiya SO AN SSSR*, series "Istoriya, filologiya i filosofiya", 1987, no. 10, p. 28—33. (In Russ.)
3. Anisimov A.F. *Religiya evenkov v istoriko-geneticheskom izuchenii i problemy proiskhozhdeniya pervobytnykh verovaniy* [Religion of the Evenks in the Historical and Genetic Study and the Problems of the Origin of Primitive Beliefs]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1958, 235 p. (In Russ.)
4. Brodyanskiy D.L. Bronzovoe zerkalo s mifologicheskim syuzhetom iz Krasnoyarskogo gorodishcha [The Bronze Mirror with a Mythological Plot from the Krasnoyarskoye Settlement]. *Materialy po etnokul'turnym svyazyam narodov Dal'nego Vostoka v srednie veka: sb. nauch. tr.* [Proceedings on Ethnic and Cultural Relations of the Peoples of the Far East in the Middle Ages: Collection of Scientific Articles]. Vladivostok, AN SSSR Publ., 1988, pp. 79—83. (In Russ.)
5. Vasilevich G.M. K probleme etnogeneza tunguso-man'chzhurov (po materialam izucheniya kolybeley) [On the Problem of the Ethnogenesis of the Manchu-Tungus (Based on the Materials of Studying the Cradles)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii AN SSSR* [Brief Reports of the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR], 1957, vol. XXVIII, pp. 58—61. (In Russ.)
6. Vasilevich G.M. *Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII — nachalo XX v.)* [Evenks. Historical and Ethnographic Essays (the 18th Century — the Early 20th Century)]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 304 p. (In Russ.)
7. Vasil'ev B.A. Osnovnye cherty etnografii orokov [Main Features of the Ethnography of the Oroks]. *Etnografiya*, 1929, no. 1, pp. 3—22. (In Russ.)
8. Vasil'yev S.A., Berezhkin Yu.E., Kozintsev A.G., Peyros I.I., Slobodin S.B., Tabarev A.V. *Zaselenie chelovekom Novogo Sveta. Opyt kompleksnogo issledovaniya* [Man's Occupation of the New World. Experience of Complex Research]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2015, 650 p. (In Russ.)
9. Vasil'evskiy R.S. *Po sledam drevnikh kul'tur Khokkaydo* [In the Footsteps of Ancient Cultures of Hokkaido]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1981, 174 p. (In Russ.)
10. Dzharlygasinova R.Sh. *Drevnie koguretsy (K etnicheskoy istorii koreytssev)* [Ancient Goguryeo People (On the Ethnic History of Koreans)]. Moscow, Nauka Publ., 1972, 202 p. (In Russ.)
11. Ivanov S.V. *Materialy po izobrazitel'nomu iskusstvu narodov Sibiri. XIX—XX v.* [Materials on the Fine Arts of the Peoples of Siberia. The 19th — the 20th Centuries]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1954, 838 p. (In Russ.)
12. Ivanov S.V. *Ornament narodov Sibiri kak istoricheskiy istochnik (po materialam XIX — nachala XX v.). Narody Severa i Dal'nego Vostoka* [The Ornament of the Peoples of Siberia as a Historical Source (Based on the Materials of the 19th Century — the Early 20th Century). The Peoples of the North and the Far East]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1963, 500 p. (In Russ.)
13. Kosarev M.F. *Zapadnaya Sibir' v drevnosti* [Western Siberia in Ancient Times]. Moscow, Nauka Publ., 1984, 245 p. (In Russ.)
14. Kocheshkov N.V. *Dekorativnoe iskusstvo narodov Nizhnego Amura i Sakhalina. Problemy etnicheskikh traditsiy* [Decorative Art of the Peoples of the Lower Amur and Sakhalin. Problems of Ethnic Traditions]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1995, 152 p. (In Russ.)
15. *Fotorasskaz ob iskusstve malykh narodov Priamur'ya* [The colours of the Dersu land. A Photo Story about the Art of the Indigenous Peoples of the Amur Region]. Ed. by Ch.M. Taksami. Khabarovsk, Khabarovskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1982, 275 p. (In Russ.)

16. *Kul'turnoe nasledie narodov Dal'nego Vostoka Rossii. Sakhalinskaya oblast'. Uyl'ta. Evenki* [Cultural Heritage of the Peoples of the Far East of Russia. The Sakhalin Region. Uilta. Evenks]. Ed. by T.P. Roon. Yuzhno-Sakhalinsk, SOKM Publ., 2009, 194 p. (In Russ.)
17. Larichev V.E. Narody Dal'nego Vostoka v drevnosti i srednevekov'e i ikh rol' v kul'turnoy i politicheskoy istorii Vostochnoy Azii [Peoples of the Far East in Ancient Times and the Middle Ages and Their Role in the Cultural and Political History of East Asia]. *Dal'niy Vostok i sosednie territorii v srednie veka* [The Far East and Neighbouring Territories in the Middle Ages]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1980, pp. 8—53. (In Russ.)
18. Mazin A.I. *Traditsionnye verovaniya i obryady evenkov-orochonov (konets XIX — nach. XX v.)* [Traditional Beliefs and Rituals of the Evenki-Oroqens (the End of the 19th Century — the Early 20th Century)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1984, 201 p. (In Russ.)
19. Medvedev V.E. Neoliticheskie kul'tovye tsentry v doline Amura [Neolithic Religious Centres in the Amur Valley]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2005, no. 4 (24), pp. 40—96. (In Russ.)
20. Medvedev V.E. O nekotorykh nakhodkakh chzhurchzhen'skoy kul'tury na Nizhnem Amure [About Some Discoveries of the Jurchen Culture in the Lower Amur]. *Novoe v arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [New in the Archaeology of Siberia and the Far East]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1979, pp. 207—215. (In Russ.)
21. Missonova L.I. "Tanets ognia" kak odin iz glavnykh obryadov zhiznennogo tsikla v tunguso-man'chzhurskoy praktike "The Dance of Fire" as One of the Main Rites of the Life Cycle in the Manchu-Tungus Practice]. *Muzey. Traditsii. Etnichnost'*, 2014, no. 2, pp. 33—44. (In Russ.)
22. Missonova L.I. *Uyl'ta Sakhalina. Bol'shie problemy malochislennogo naroda* [The Uilta of Sakhalin. Big Problems of Indigenous Peoples]. Moscow, Nauka Publ., 2006, 293 p. (In Russ.)
23. *Mify narodov mira. Entsiklopediya: v 2 t.* [Myths of the World. Encyclopaedia in 2 Volumes]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1991, vol. 1, 671 p.; 1992, vol. 2, 719 p. (In Russ.)
24. Napol'skikh V.V. *Drevnie etapy proiskhozhdeniya narodov ural'skoy yazykovoy sem'i: dannye mifologicheskoy rekonstruktsii (praural'skiy kosmogonicheskiy mif)* [Early Stages of the Origin of the Peoples of the Uralic Language Family: Data of Mythological Reconstruction (Pro-Uralic Cosmogonic Myth)]. Moscow, 1991, 189 p. (In Russ.)
25. Nikitina M.I. *Mif o Zhenshchine-Solntse i ee roditelyakh i ego sputniki v ritual'noy traditsii Drevney Korei i sosednikh stran* [The Myth about the Sun-Woman and Her Parents and Its Companions in the Ritual Traditions of Ancient Korea and Neighbouring Countries]. Saint Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2001, 560 p. (In Russ.)
26. Okladnikov A.P. *Dalekoe proshloe Primor'ya (Ocherki po drevney i srednevekovoy istorii Primorskogo kraja)* [The Distant Past of Primorye (Essays on the Ancient and Medieval History of the Primorye Region)]. Vladivostok, Prim. kn. izd-vo Publ., 1959, 292 p. (In Russ.)
27. Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. *Petroglify Zabaykal'ya: v 2 t.* [Petroglyphs of Transbaikalia. In 2 Volumes]. Leningrad, Nauka Publ., 1968, vol. 1, 218 p.; 1970, vol. 2, 263 p. (In Russ.)
28. Okladnikov A.P. *Petroglify Nizhnego Amura* [Petroglyphs of the Lower Amur]. Leningrad, Nauka, Leningradskoye otdeleniye Publ., 1971, 335 p. (In Russ.)
29. Okladnikova E.A. *Model' Vselennoy v sisteme obrazov naskal'nogo iskusstva Tik-hookeanskogo poberezh'ya Severnoy Ameriki. Problemy etnokul'turnykh kontaktov aborigenov Sibiri i korennogo naseleniya Severnoy Ameriki* [The Model of the Universe in the System of the Rock Art of the Pacific Coast of North America. Problems of Ethno-Cultural Contacts between the Natives of Siberia and the Indigenous Peoples of North America]. Saint Petersburg, MAE RAN Publ., 1995, 320 p. (In Russ.)

30. *Ornamentika v artefaktakh traditsionnoy kul'tury*. Materialy Pyatnadsatykh mezh-dunarodnykh Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chteniy [Ornamentation in the Artefacts of Traditional Culture. Proceedings of the 15th International St. Petersburg Ethnographic Readings]. Saint Petersburg, IPC SPGUTD Publ., 2016, 411 p. (In Russ.)
31. Osipova V. *Siluety na ryb'ey kozhe: materialy personal'noy vystavki uil'tinskoy mas-teritsy Veroniki Osipovoy (p. Nogliki)* [Silhouettes on the Fish Skin: Materials of the Personal Exhibition of the Uilta Craft Artist Veronika Osipova (the Nogliki Village)]. Yuzhno-Sakhalinsk, 2016, 48 p. (In Russ.)
32. Rays T.T. *Skify. Stroiteli stepnykh pyramid* [The Scythians. The Builders of the Steppe Pyramids]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2003, 223 p. (In Russ.)
33. Robbek V.A., Dutkin H.I. Mif o proiskhozhdenii Zemli i cheloveka v evenskom fol'klоре [The Myth about the Origin of the Earth and the Man in the Even Folklore]. *Epiches-koe tvorchestvo narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Epic Creativity of the Peoples of Siberia and the Far East]. Yakutsk, 1978, pp. 156—159. (In Russ.)
34. Sem T.Yu. *Kartina mira tungusov: panteon (Semantika obrazov i etnokul'turnye svya-zi). Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Worldview of the Tungus People: the Pan-theon (Semantics of Images and Ethno-Cultural Relations). Historical and Ethnographic Essays]. Saint Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU Publ., 2015, 640 p. (In Russ.)
35. Sem T.Yu. *Obraz pervopredka shamana v ritual'nykh predmetakh i fol'klоре aynov* [The Image of the Ancestor of the Shaman in Ritual Objects and Folklore of the Ainu People]. *Kul'turnoe nasledie narodov Sibiri i Severa. V Sibirskie chteniya* [Cultural Heritage of the Peoples of Siberia and the North. The 5th Siberian Readings]. Saint Petersburg, MAE RAN Publ., 2004, pp. 201—208. (In Russ.)
36. Sem Yu.A., Sem L.I., Sem T.Yu. *Materialy po traditsionnoy kul'ture, fol'klору i yazyku orokov. Dialektologicheskii oroksko-russkii slovar'* [Materials on the Traditional Cul-ture, Folklore and Language of the Oroks. Dialectological Orok-Russian Dictionary]. *Tr. Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN* [Pro-ceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS]. Vladivostok, Dalnauka Publ., 2011, vol. 14, 156 p. (In Russ.)
37. Smolyak A.V. *Shaman: lichnost', funktsii, mirovozzrenie (Narody Nizhnego Amura)* [Shaman: Personality, Functions, Worldview (the Peoples of the Lower Amur)]. Mos-cow, Nauka Publ., 1991, 280 p. (In Russ.)
38. Startsev A.F. *Etnicheskie predstavleniya tunguso-man'chzhurov o prirode i ob-shchestve* [Ethnic Representations of the Tungusic Peoples about Nature and Soci-ety]. Vladivostok, Dalnauka Publ., 2017, 231 p. (In Russ.)
39. Chesnov Ya.V. *Istoricheskaya etnografiya stran Indokitaya* [The Historical Ethnog-raphy of the Countries of Indochina]. Moscow, Nauka Publ., 1976, 298 p. (In Russ.)
40. Shavkunov E.V. *Kul'tura chzhurchzheney-udige XII—XIII vv. i problema proiskhozh-deniya tungusskikh narodov Dal'nego Vostoka* [The Culture of the Jurchen-Udege in the 12th—13th Centuries and the Problem of the Origin of the Tungus Peoples of the Far East]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 282 p. (In Russ.)
41. Shrenk L.I. *Ob inorodtsakh Amurskogo kraya. T. 2. Etnograficheskaya chast'. Glavnye usloviya i yavleniya vneshnego byta* [About the Foreigners of the Amur Region. Vol. 2. The Ethnographic Part. Main Conditions and Phenomena of External Daily Life]. Saint Petersburg, Imp. Akad. nauk Publ., 1899, 314 p. (In Russ.)
42. Shternberg L.Ya. *Gilyaki, oroichi, gol'dy, negidal'tsy, ayny* [Gilyaks, Orochi, Golds, Negidals, Ainu]. Khabarovsk, Dal'giz Publ., 1933, 740 p. (In Russ.)
43. Yuan' Ke. *Mify Drevnego Kitaya* [Ancient Chinese Myths]. Moscow, Nauka Publ., 1965, 496 p. (In Russ.)
44. Yanshina E.M. *Formirovanie i razvitie drevnekitayskoy mifologii* [The Formation and De-velopment of Ancient Chinese Mythology]. Moscow, Nauka Publ., 1984, 248 p. (In Russ.)
45. Ikegami Jiro. *Album of the Uiltas (Oroks) of Sakhalin*. Hokkaido, Abashiri, 1982, 116 p. (In Eng. and Jap.)
46. *Outline of Collection of Cultural Relics of the Ewenki, Oroqen and Hezhen Peoples in China*. Peking, 2014, 220 p. (In Eng. and Chin.)